

СНДСД
СТЕКАС

КОДОВОЕ ИМЯ – ВЕРИТИ

Элизабет Вейн

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
В26

Elizabeth Wein
CODE NAME VERITY
Copyright © Elizabeth Gatland, 2012
All rights reserved

Печатается с разрешения *Ginger Clark Literary, LLC*.
Издательство выражает благодарность литературному агентству
Synopsis Literary Agency за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Ольги Кидвати
Серийное оформление и оформление обложки Александра Андрейчука
Иллюстрация на обложке Дины Климовицкой

Вейн Э.

В26 Кодовое имя — Верити : роман / Элизабет Вейн ; пер. с англ.
О. Кидвати. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 400 с. —
(Сквозь стекло).

ISBN 978-5-389-26699-5

Британский военный самолет терпит крушение в захваченной нацистами Франции. Его пилот Мэдди и пассажирка Джули — лучшие подруги. У первой из девушек есть шанс выжить, а вот вторая провалила миссию еще до ее начала: почти сразу Джули, известную под кодовым именем Верити, арестовывает гестапо. Будучи секретным агентом, захваченным на вражеской территории, она оказывается перед страшным выбором: раскрыть свое задание или подвергнуться жестокой казни. И Верити начинает давать показания: сплетая реальные факты, вымысел и эмоции, она описывает свое прошлое и на каждом клочке бумаги цепляется за жизнь и за последнюю надежду вернуться домой.

Бестселлер № 1 по версии «Нью-Йорк таймс» и лауреат премии Эдгара, «Кодовое имя — Верити» — горькое, отчаянное и щемяще-трогательное повествование о страхе и мужестве, решимости и выживании, которое показывает, на что готовы пойти настоящие друзья ради спасения близких.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-26699-5

© О. Кидвати, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®

*Посвящается Аманде —
из нас вышла потрясающая команда*

Участники пассивного сопротивления должны понимать, что они важны не меньше диверсантов.

«Методы пассивного сопротивления».

Руководство спецагента

Управления специальных операций

Часть первая

ВЕРИТИ

Я — трусиха.

Мне хотелось быть героиней, и я притворялась, будто так оно и есть. Притворство мне всегда давалось легко: первые двенадцать лет своей жизни я провела, играя с пятью старшими братьями в битву на Стерлингском мосту¹, и, даром что я девчонка, мне позволялось быть Уильямом Уоллесом², который, предположительно, принадлежит к числу наших предков, а все потому, что мои зовущие в бой воинственные речи звучали особенно зажигательно. Боже, я так старалась всю последнюю неделю. Честное слово, я действительно старалась. Но теперь точно знаю, что я — трусиха. Это стало совершенно ясно после абсурдной сделки, которую я заключила с гауптштурмфюрером СС фон Линденом. Я готова ответить на любые ваши вопросы во всех подробностях. Расскажу все, что вспомню, до последней детали.

Вот сделка, которую мы заключили. Я привожу ее тут, чтобы она лучше запечатлелась у меня в мозгу.

— Давайте-ка попробуем вот так, — сказал мне гауптштурмфюрер. — На что вы могли бы польститься?

---

¹ Битва произошла во время первой войны за независимость Шотландии в 1297 году и завершилась победой шотландцев. После нее почти вся территория страны была освобождена от англичан. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Уильям Уоллес (1270–1305) — военачальник, предводитель шотландцев.

И я попросила, чтобы мне вернули одежду.

Теперь это кажется малодушным. Не сомневаюсь, он ожидал услышать что-нибудь дерзкое, вроде «дайте свободу» или там «мне нужна победа». А может, он ждал благородных слов. Например, «прекратите издеваться над этим бедолагой из французского Сопротивления, смилуйтесь и дайте ему достойно умереть». Или хотя бы думал, что услышит нечто более конкретное, привязанное к обстоятельствам, допустим, «пожалуйста, позвольте мне поспать (или поесть)» или «избавьте меня от этой чертовой железяки, которая привязана у меня к спине уже три дня». Однако я готова была сколько угодно не есть, не спать и стоять столбом при условии, что это не придется делать в одном исподнем, которое к тому времени стало довольно-таки грязным и мокрым. Жутко неловко. В тот момент важнее патриотизма и совести было желание согреться и вновь обрести чувство собственного достоинства. Для этого требовались моя фланелевая юбка и шерстяной пуловер.

В результате фон Линден продал мне мою же одежду постепенно, предмет за предметом, хотя, конечно, я так и не получила чулки и шарфик: их забрали еще раньше, чтобы не дать мне на них повеситься (а я пыталась). За пуловер пришлось сдать ключи к четырем каналам радиосвязи — полный набор стихотворений для дешифровки, паролей и радиочастот.

Пуловер фон Линден вернул мне авансом. Одежка ждала меня в камере, когда три ужасных дня остались позади и меня наконец развязали, но сперва я не смогла даже натянуть пуловер на себя; впрочем, даже накинутый на плечи на манер шали, он принес мне большое утешение. Сейчас мне удалось влезть в пуловер, и вряд ли я вообще хоть когда-нибудь его сниму. Юбка и блуз-

ка стоили меньше, а за туфли с меня взяли всего лишь ключ от одного шифра.

Каналов связи всего одиннадцать. Предполагалось, что за последний из них я куплю шелковую комбинацию. Примечательно, что сперва, по распоряжению фон Линдена, я получила одежду, которая надевается поверх всего остального, чтобы приходилось переживать пытку раздевания на глазах у всех каждый раз, когда мне возвращали очередной предмет туалета. Фон Линден единственный на меня не тарашится, он даже пригрозил забрать все вещи обратно, когда я ляпнула, что он пропускает шикарное представление. Именно тогда впервые на всеобщее обозрение был целиком вынесен причиненный моему телу ущерб, и мне хотелось, чтобы гауптштурмфюрер полюбовался своим шедевром, в особенности моими руками, а еще я впервые за все время смогла немного постоять, и это мне тоже хотелось ему продемонстрировать. В любом случае я решила обойтись без комбинации, заодно и раздеться еще раз, чтобы ее надеть, тоже не пришлось, и за последний канал связи я выторговала чернила, бумагу и немного времени.

Фон Линден сказал на это, что у меня есть две недели и столько бумаги, сколько понадобится. За это от меня требуется сообщить все, что я смогу вспомнить, связанное с британскими военными действиями. И я намерена это сделать. Фон Линден напоминает мне Капитана Крюка: несмотря на всю жестокость, он в своем роде джентльмен, и я, как Питер Пэн, питаю некую наивную уверенность, что он будет играть по правилам и сдержит слово. До сих пор так и было. Чтобы я могла начать признания, он дал мне дивную кремовую бумагу с тиснением, оставшуюся со времен отеля «Шато де Бордо», который раньше располагался в этом здании. (Ни за что

бы не поверила, что французский отель может стать настолько мрачным местом, если бы не увидела своими глазами эти ставни с засовами и висячие замки на дверях. Правда, для этого пришлось сделать мрачным весь прекрасный город Ормэ.)

Вроде бы слишком много всего обещано мне за единственный канал связи, но вдобавок к этому предательству я пообещала фон Линдену свою душу, хоть и не думаю, что он воспринял мои слова всерьез. В любом случае такое облегчение — писать что-нибудь, все что угодно, лишь бы оно не было связано с шифрами и ключами к ним! Я ужасно устала извергать из себя пароли и радиочастоты, меня прямо-таки тошнит от них. Только когда вся эта информация оказалась на бумаге, я осознала, как много, оказывается, секретных сведений хранила моя память.

Честное слово, это просто поразительно.

ВЫ — ГНУСНЫЕ НАЦИСТСКИЕ УБЛЮДКИ.

А я всего-навсего проклята. Окончательно и бесповоротно. В конце концов, что бы я ни делала, вы меня расстреляете, ведь именно так вы поступаете с вражескими агентами. И мы поступаем с вражескими агентами точно так же. Но даже если после того, как я закончу писать свою исповедь, меня не расстреляют и мне как-то удастся вернуться на родину, там меня все равно арестуют и казнят как коллаборационистку. Однако, когда я смотрю на темные извилистые тропы, которые тянутся передо мной в будущее, эта выглядит самой легкой и самой очевидной. Что ждет меня впереди? Банка керосина, которую насильно вольют мне в глотку, чтобы потом поднести к губам горящую спичку? Скальпель и кислота, ставшие уделом того так и не заговорившего парня из Сопротивления? Или меня, превратившую-

ся в живой скелет, затолкают в вагон для перевозки скота вместе с еще двумя сотнями несчастных и отправят бог весть куда, чтобы я еще по дороге умерла от жажды? Нет. Я не пойду ни по одной из этих троп. Та, которую я выбрала, легче остальных. А на другие страшно взглянуть даже краем глаза.

Я собираюсь писать по-английски. Мне не хватит словарного запаса, чтобы вести речь на военные темы по-французски, знаний немецкого у меня тоже недостаточно. Кому-нибудь придется перевести все это для гауптштурмфюрера фон Линдена. Например, фройляйн Энгель. У нее прекрасный английский. Это она объяснила мне, что парафин и керосин — одно и то же. То, что у меня на родине зовется парафином, американцы называют керосином, примерно так же это слово звучит на французском и на немецком.

(Насчет парафина, керосина или как его там. На самом деле мне не верится, что у вас есть лишний литр керосина, чтобы извести его на меня. Или, может, вы покупаете топливо на черном рынке? И как это оформляется документально: «1 л авиационного керосина для казни британской шпионки»? Как бы то ни было, очень постараюсь не вводить вас в такие убытки.)

Мне выдали длинный список того, что я должна включить в свои показания, и одним из первых пунктов значится местоположение британских аэродромов, с которых планируется атаковать Европу. Фройляйн Энгель не даст соврать: я расхохоталась, когда прочла это. Вы правда думаете, что мне хоть что-нибудь известно о том, откуда союзники планируют послать в оккупированные нацистами страны свои военные самолеты? Я стала спецагентом потому, что хорошо говорю по-французски и по-немецки, а еще быстро соображаю

и придумываю всякие истории; я стала узницей гестапо в Ормэ, потому что совершенно не ориентируюсь в пространстве. Примите во внимание: те, кто меня готовил, всячески поддерживали мое блаженное неведение относительно аэродромов именно на тот случай, чтобы я не могла ничего вам сообщить, если буду поймана. Не забывайте также, что мне не сказали даже название аэродрома, с которого мы вылетели. И позвольте напомнить, что я провела во Франции меньше сорока восьми часов, прежде чем какой-то ваш старательный агент задержал меня, чуть не попавшую под фургон с курами, а все потому, что перед тем, как пересечь улицу, я посмотрела не в ту сторону. Из этого можно понять, насколько гестаповцы дошлые. «Эта дама, которую я вытащил из-под колес и спас от верной смерти, переходила дорогу и сначала посмотрела направо, чтобы проверить, не едет ли транспорт. Направо, а не налево, следовательно, она, должно быть, британка и, вероятно, прыгнула с парашютом из самолета союзников, чтобы оказаться в захваченной нацистами Франции. Значит, нужно арестовать ее как шпионку».

Итак, у меня нет чувства направления. У некоторых из нас имеется этот поистине трагический дефект, поэтому мне нет никакого смысла даже пытаться указать вам расположение каких бы то ни было аэродромов. Разве что мне дали бы точные координаты. Пожалуй, координаты я могла бы и выдумать, причем обставить это очень убедительно, чтобы выиграть для себя еще немного времени, но в конце концов вы все равно раскусили бы меня.

Еще один пункт списка, по которому я абсолютно ничего не могу сообщить, это «конструкции используемых летательных аппаратов». Ну и списочек, обхохотаться

просто. Можно подумать, я хоть что-то понимаю в самолетах. Если бы я даже мало-мальски в них разбира-лась, была бы пилотом Вспомогательной службы воз-душного транспорта, как Мэдди, которая забросила ме-ня сюда, или работала бы механиком либо слесарем. Уж точно не сидела бы в штаб-квартире гестапо, трусливо выбалтывая явки и пароли. (Больше о своей трусости я писать не буду, а то слишком цинично и неловко по-лучается. Да и не хочу я, чтобы вы заскучили, отобрали у меня эту прекрасную бумагу и снова стали пихать го-ловой в тазик с ледяной водой, пока я не задохнусь и не потеряю сознание.)

Хотя погодите, кое-какие типы летательных аппара-тов я знаю. И расскажу вам о тех, которые мне извест-ны, начиная с «пущ-мот», что значит «гарпия». На та-ком самолете начинала моя подруга Мэдди. На самом деле именно «пущ-мот» стал первым воздушным суд-ном, которым она управляла, и даже первым, к которо-му вообще близко подошла. Да и сама история о том, как я здесь очутилась, тоже начинается с Мэдди. Не наде-юсь когда-нибудь узнать, как вышло, что, когда вы ме-ня взяли, вместо собственных документов у меня при себе оказалось ее удостоверение личности вместе с ли-цензией пилота, но если я расскажу про Мэдди, вы пой-мете, почему мы прилетели сюда вместе.

Типы летательных аппаратов

Полное имя Мэдди — Маргарет Бродатт. Впрочем, вы и так знаете, у вас же ее документы. Бродатт — нетипич-ная для Северной Англии фамилия: может быть, у Мэд-ди русские корни, во всяком случае ее дедушка родом из России. Но сама она настоящая уроженка Стокпор-

та. И, в отличие от меня, у нее все в порядке с чувством направления. Она может ориентироваться по звездам и по компасу, но, думаю, ей удалось так хорошо натренироваться, потому что дед подарил ей на шестнадцатый день рождения мотоцикл. Потом Мэдди уехала из Стокпорта, ее носило по нехоженным тропам на вересковых пустошах Пеннинских гор. В Стокпорте, куда ни кинь взор, повсюду увидишь Пеннины, зеленые и голые, над которыми, как в цветном кинофильме, быстро сменяют друг друга полосы облаков и солнечного света. Я знаю это, потому что гостила в выходные у Мэдди в доме ее бабушки с бабушкой и подруга возила меня на своем мотоцикле на вершину Дарк-Пик. Этот день стал одним из самых чудесных в моей жизни. Была зима, солнце появилось всего минут на пять, но даже тогда мокрый снег не перестал падать, — Мэдди и дали три свободных дня только потому, что все прогнозы обещали нелетную погоду. Однако на те пять минут Чешир стал зеленым и сверкающим. Дедушка Мэдди держит мотомагазинчик с мастерской, и специально к нашему приезду он купил на черном рынке немного бензина. Хотя сказанное и не имеет никакого отношения к типам летательных аппаратов, я все равно завела об этом речь, чтобы доказать: мне понятно, что чувствовала Мэдди, оказавшись в одиночестве на вершине мира, оглушенная ревом четырех ветров и двух цилиндров, когда вся Чеширская равнина с ее клетчатými полями и красными трубами дымоходов лежит у ног, будто шотландский плед для пикника.

У Мэдди была подруга по имени Берил, которая бросила школу. Летом 1938 года Берил работала на хлопкопрядильной фабрике в Ладдерале, и по воскресеньям девушки любили выбираться на пикники, оседлав

мотоцикл Мэдди. Им очень нравились такие вылазки, потому что теперь у них не было другой возможности повидаться. Берил крепко держала Мэдди сзади за талию, точно так же, как я во время той нашей поездки. Ни у Берил, ни у меня не было защитных очков, хотя у Мэдди они были. Однажды в июньское воскресенье девушки проехали по дорожке между каменными стенами, которые выстроили работающие предки Берил, и переехали через вершину Хайдаун-Райз, почти по колено заляпав грязью голые ноги. В тот день Берил испортила свою лучшую юбку, и отец заставил ее со следующей же недельной зарплаты купить новую.

— Люблю твоего деда! — прокричала Берил прямо в ухо Мэдди. — Вот бы мне такого. (Мне бы тоже этого хотелось.) Подумать только, он подарил тебе на день рождения этого бесшумного красавчика!

— Не такой уж он бесшумный, — через плечо крикнула Мэдди в ответ. — Достался мне уже не новым, а сейчас ему пять лет. В этом году мне пришлось перебирать мотор.

— Разве его не дед ремонтировал?

— Дедушка даже не позволял мне сесть на мотоцикл, пока я не разобрала двигатель. Мол, или научишься сама, или ходи пешком.

— Но я все равно люблю твоего деда.

Они неслись по зеленым холмам Хайдаун-Райз, по проселочным дорогам и тракторным колеям, едва не врезаясь в каменные стены вокруг полей, а потом — через грязь, крапиву и стада овец. Я помню нашу с Мэдди поездку и знаю, какими были ощущения. Время от времени за поворотом или с гребня холма глаз выхватывал цепь тянувшихся строго к западу пустынных зеленых Пеннинских гор или фабричные трубы южной ча-

сти Манчестера, которые марали голубое небо на севере черным дымом.

— И ты научилась, — проорала Берил.

— Что-что?

— Научилась!

— Чинить моторы! — простонала Мэдди.

— Нормальный опыт! Всё лучше, чем прядильные машины заряжать.

— Тебе платят за то, что ты их заряжаешь! — прокричала ей Мэдди. — А мне никто не платит.

Проселочная дорога впереди была вся в рытвинах, где скопилась дождевая вода: ни дать ни взять Хайлендские озера в миниатюре. Мэдди все сильнее сбрасывала скорость и в конце концов вынуждена была остановиться. Опустила ноги на твердую землю (юбка собралась на ляжках), по-прежнему ощущая всем телом знакомую рокошущую вибрацию Красавчика.

— Разве кто-нибудь наймет девушку ремонтировать двигателя? — вздохнула Мэдди. — Бабушка настаивает, чтобы я выучилась на машинистку. Ты-то хотя бы зарабатываешь.

Им обеим пришлось слезть с мотоцикла и везти его по превратившейся в канаву дороге. Потом путь снова пошел в горку, и девушки оказались у ворот, которые фермеры установили на границе между двумя полями. Мэдди прислонила мотоцикл к каменной стене, чтобы можно было съесть бутерброды. Подруги посмотрели одна на другую и рассмеялись, увидев, что обе по уши в грязи.

— Ох, что скажет твой папаша! — воскликнула Мэдди.

— А что скажет твоя бабушка!

— Она уже привыкла.

Мэдди говорила, что у Берил для пикников было словечко «перекусон». К толстым кускам хлеба, который тетя Берил каждую среду пекла буханками сразу на три семьи, полагались большие, как яблоки, маринованные луковицы. Сэндвичи Мэдди были на ржаном хлебе из пекарни в Реддайке, куда она каждую пятницу ездила по бабушкиному поручению. Грызя луковицы, особо не поговоришь: когда жуешь, треск в голове такой, что даже себя не слышишь, а глотать приходится осторожно, чтобы от уксуса не перехватило дыхание. (Возможно, фон Линден сочтет маринованный лук подходящим средством убеждения. А заодно и пленники будут сыты.)

(Фройляйн Энгель велела это записать, чтоб довести до сведения капитана фон Линдена, как я зря потратила двадцать минут выделенного мне времени, потому что на этом месте расхохоталась над собственной дурацкой шуткой про маринованный лук и сломала карандаш. Пришлось ждать, пока кто-нибудь принесет нож, чтобы очинить грифель, потому что фройляйн Энгель не разрешено оставлять меня одну. А потом я еще пять минут плакала, снова сломав карандаш, потому что мисс Э. точила его у самого моего лица, так что стружка мне прямо в глаза сыпалась, а шарфюрер СС Тибо при этом держал мне голову, отчего я ужасно разнервничалась. Но теперь я уже не смеюсь и не плачу и впредь постараюсь не нажимать на карандаш слишком сильно.)

Ладно, вернемся к Мэдди в довоенное время. На своей родной земле, свободная, с полным ртом маринованного лука, она могла только давиться и тыкать пальцем в небо, когда там возник захлебывающийся собственным тарактением дымящийся самолет, сделал круг у них над головой и над полем, которое подруги обзрели, сидя на стене. Это и был «пущ-мот».

Могу рассказать вам немного о «пущ-мотах», которых назвали в честь мотыльков-гарпий. Это быстрые, легкие монопланы — в смысле, у них только одна пара крыльев. Вот «тайгер-моты», они же «медведки» (еще один тип летательных аппаратов, который я помню), допустим, бипланы: это значит, что у них два комплекта крыльев. Крылья «пущ-мота» можно сложить сзади, если самолет нужно куда-то перевезти или убрать для хранения. Из кабины отличный обзор, и, помимо пилота, на борт можно взять двух пассажиров. Я пару раз была пассажиром «пущ-мота». А усовершенствованная версия вроде бы называется «леопард-мот», что значит «древоточец» (вот вам и третий тип летательных аппаратов, и все в одном абзаце!).

Этот «пущ-мот», нарезающий виражи над Хайдаун-Райз, — первый такой самолетик в округе, — казалось, бьется в агонии удушья. Мэдди говорила, что будто бы наблюдала за происходящим из первого ряда в цирке. Самолет находился всего в трехстах футах от них с Берил, и девушки могли разглядеть его во всех деталях: каждый проводок, каждую распорку пары брезентовых крыльев, деревянные лопасти пропеллера, которые мелькали, бессмысленно вращаясь на ветру. Из сопла валили огромные клубы синего дыма.

— Он горит! — вскрикнула Берил, приходя в состояние восхищенной паники.

— Нет, не горит, а сжигает топливо, — возразила Мэдди, потому что разбиралась в таких вещах. — Если у пилота есть хоть капля здравого смысла, он заглушит мотор, и все это прекратится. Тогда можно будет спланировать вниз и сесть.

Девушки наблюдали. Прогноз Мэдди оказался верным: двигатель прекратил работу, дым рассеялся, и ста-

ло ясно, что пилот собирается посадить неисправный самолет прямо у них перед носом на поле. Вернее, на луг, непаханный и некошенный, никакого скота на нем не паслось. Крылья над головами подруг на миг заслонили солнце, будто парус проплывшей мимо яхты. На последнем круге самолет поднял в воздух и расшвырял по лугу все, что осталось после их ланча: коричневые хлебные корки и оберточная бумага взметнулись в синем дыму, как дьявольские конфетти.

Мэдди говорила мне, что, будь перед ними аэродром, посадка вышла бы мягкой. Но в поле поврежденный летательный аппарат проехал ярдов тридцать, беспомощно подпрыгивая среди высокой травы. А потом изящно завалился на нос.

Мэдди разразилась аплодисментами. Берил схватила ее за руки, сердито шлепнула по одной из них:

— Корова тупая! Может, он ранен! Ох, что же нам делать?

На самом деле Мэдди вовсе не собиралась аплодировать, это получилось само собой, бездумно. Я так и вижу, как она откидывает с глаз черные кудри, выпячивает нижнюю губу, спрыгивает со стены и бежит по зеленым кочкам к поверженному самолету.

Пламени не было. Мэдди забралась по носу «пущмота» к кабине и просунула подбитую гвоздями туфлю сквозь ткань фюзеляжа (ведь так вроде бы называется корпус самолета?). Готова поспорить, ее передернуло, ведь этого она тоже не собиралась делать. Среди сильного жара, в тревоге, она наконец открыла дверцу кабины, ожидая, что пилот сейчас устроит ей головомойку, но почувствовала постыдное облегчение, когда увидела, что тот, явно без сознания, висит вниз головой на полуотстегнутых ремнях безопасности. Мэдди глянула

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

ЭЛИЗАБЕТ ВЕЙН
КОДОВОЕ ИМЯ — ВЕРИТИ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 20.12.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 24,50. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-56L-35692-01-R